

„Палка стражника“

РАССКАЗ

МАХМУД ТЕЙМУР
ОАР

Рассказ «Палка стражника» принадлежит перу выдающегося египетского писателя, классика арабской литературы Махмуда Теймура (род. 1894). Он повествует о судьбе обездоленного, лишенного детства арабского мальчика в старом, королевском Египте. В этом году Махмуду Теймуру исполняется 70 лет. Редакция нашего журнала сердечно поздравляет маститого писателя и шлет ему пожелания новых творческих успехов.

НА МОСТОВОЙ улицы Сальсабиль¹ в длинный горластый ряд вытянулись лоточники, разложившие товары необычайного разнообразия и пестроты. Здесь и сладости, и галстуки, и визитные карточки, и всяческая одежда самых различных фасонов и расцветок.

На все лады заывают уличные торговцы прохожих, неустанно повторяя свои шумные, сумбурные прибаутки, до смысла которых порой невозможно и добраться. И достигают своего. Барыш — лучше не надо. Ведь у лоточников нет лавок, за которые каждый месяц надо вносить арендную плату, господа чиновники не терзают их ежегодным налогом. Отравляет их существование только одно — появление полицейского, коему вменяется в обязанность преследовать эту категорию людей, преступающих закон...

Однако до сих пор ни один самый хитрый и опытный полицейский так и не преуспел в поимке кого-либо из бродячих торговцев. Весть «Полицейский!» облетает лоточников раньше, чем блюститель порядка успеет приблизиться к их рядам. Про-

ворно свертывают они свои товары и бросаются врассыпную по закоулкам. Уличным торговцам свойственно некое шестое чувство, которое можно, пожалуй, назвать «нюхом на полицейского». Оно действует безошибочно, не хуже радарной установки. И когда полицейский чин появляется на улице, он застаёт лишь прохожих, мирно бредущих кто куда.

Полицейские дежурили посменно. Особенно опасным было дежурство сержанта Гадаллы. Он прямо из себя выходил: улица кишмя кишит нарушителями порядка, а схватить никого не удастся. Сержант поклялся во что бы то ни стало выполнить свой долг и доставить в участок хотя бы одного из этих бродяг и поэтому нес службу особенно рьяно.

Дни шли чередой, а удача так и не приходила к Гадалле. Стоило ему появиться на улице, как все лоточники словно сквозь землю проваливались. Сержанту это казалось чудом. Ведь он был твердо уверен, что в этом районе бродячих торговцев развелось видимо-невидимо. Но откуда ему было знать о «радаре», который неизменно предупреждал торговцев об опасности и с поразительной чуткостью улавливал хриплое покашливание и тяжелую поступь полицейского прежде, чем из-за угла появлялась его тень...

Среди пестрого сборища бродячих торговцев был крохотного роста парнишка лет десяти с боль-

¹ Сальсабиль — в мусульманской религии название райского источника, в переносном смысле — райский напиток, нектар.

шим, во всю спину, горбом. Мальчик продавал сладости, которые назывались «палка стражника», нося их в картонке на шее.

Горбатый мальчик жил у хозяина, личности в общем довольно темной. Седые пряди волос, искривленная старостью спина, изрытый морщинами лоб, мрачное, багровое от пристрастия к спиртному лицо — таков был облик этого человека, достигшего самой брюзгливой и несносной поры своей жизни. Ходил хозяин, опираясь на тяжелую палку, которую зачастую превращал в орудие свирепого избиения своего малолетнего питомца.

Мальчик называл его отцом, не понимая, в чем состоит истинный смысл отцовства. Он знал лишь две вещи: «отец» — это тот, кто груб и жесток и кого надо бояться и ненавидеть.

«Отец» отличался тоже в двух отношениях: он извергал мощный, наводящий ужас храп в часы сна и непрерывные плевки во время бодрствования.

Справедливость требует упомянуть еще об одном искусстве, коим обладал хозяин: он умел изготовлять сладости, именуемые «палкой стражника». Когда-то в юности этот угрюмый пьяница работал на карамельной фабрике, и теперь это ремесло снова кормило его.

Сладкие сахарные палки он делал в свободное время, то есть после того, как возвращался домой из своей излюбленной винной лавки. О качестве сладостей, которые лепил грязными руками этот вечно хмельной человек, нечего и говорить. Но мальчик громко расхваливал свой товар: «О «палка стражника»! Ты слаще меда!»

Маленькому торговцу это было вполне простиительно. Ведь никогда в жизни он не брал в рот меда. Ни разу не попробовал он и сладостей, которые носил в картонке на продажу, если не считать одного случая. Однажды он собрался было лизнуть сахарную палочку и даже вытянул язык, испытывая неодолимое желание изведать наконец, что же это такое, но так и не успел: тяжелая дубинка хозяина обрушила на него сзади гред жесточайших ударов. Надолго потом лишился он сна, несколько дней даже сидеть было больно!.. С того злополучного дня маленький горбун и не помышлял о сладких палках. В его воображении сахарная палка отныне уже не была «слаще меда». Он считал теперь, что она сделана из твердого дерева.

Как-то раз мальчик встретился с одним из своих сверстников, таким же, как и он сам, подростком, бродящим по кварталам. Тот пытался уговорить его разделить пополам одну сахарную палку и полакомиться. В ответ маленький горбун с отвращением вскричал:

— Что ты!... Чтоб я ел эту заразу?!..

Мальчик относился к картонке со сладостями с такой же ненавистью, с какой бедный носильщик относится к тяжелым ящикам с деньгами, которые

ему приходится перетаскивать из банковских контор в государственные учреждения под строгим и неусыпным оком полицейского. В понятии носильщика огромные сокровища, давящие на его спину, — всего-навсего тяжелые камни, которые не только не обогатят его, но не избавят даже от голода...

Мальчик занимал свое место в пестром ожерелье бродячих торговцев на улице Сальсабиль. Несмотря на маленькую, щуплую фигурку, несмотря на свой жалкий товар и слабенький голос, терявшийся в шуме базара, он был таким же заправским торговцем, как и все остальные. У него было и собственное место, и свои покупатели, и грязный мешочек из черной ткани, который он называл кошельком, опуская туда монеты, чтобы отдать их в конце дня хозяину, придирчиво пересчитывавшему выручку и оставшиеся от продажи сладости. И нет ничего удивительного, что у мальчика тоже выработалось «радарное» свойство улавливать надвигающуюся опасность и невредимым ускользать от полицейских.

Но однажды, когда он сидел, прислонившись спиной к стене громадного дома, его неожиданно охватила тяжелая дремота... Рядом с ним лежала оставленная на произвол судьбы картонная коробка с остатками сахарных палок, облепленных роем пировавших на них мух. «Радар» бездействовал и не мог сигнализировать о приближавшейся опасности.

Мальчику грезилось множество сахарных палок, которые он грыз, не щадя зубов, с шумом, похожим на грохот камней... Непрерывный гул нарастал с огромной силой, пока не принял совсем отчетливый характер. Это был топот бегущих ног!..

— Беда! — воскликнул мальчик, широко открыв испуганные глаза. Мгновенно схватил он свою картонку и, как пуля, как мяч от мощного удара искусного игрока, пустился наутек...

Затянутый в черный мундир с желтыми пуговицами сержант Гадалла мчался, клопоча от ярости. Кожаный, сияющий на солнце медной пряжкой пояс впился в его огромный живот, жесткий воротник душил шею. Сопя, сержант огромными прыжками преследовал мальчика. Его пудовые сапоги гулко стучали по мостовой, как удары набата, предупреждая людей о летящей на всех парах беде...

Полицейский напрягал все свои силы, расстояние между ним и его жертвой сокращалось... Прохожие останавливались и напряженно следили за захватывающим состязанием в беге между маленькой козьявкой и тяжелыми коваными сапогами, сотрясающими землю. И вдруг козьявка споткнулась и с размаху плюхнулась лицом в грязь. Огромные черные сапоги настигли жертву...

Крепко схваченная дичь затрепетала в лапах Гадаллы.

— В участок, паршивец! — торжествуя, злорад-но завопил сержант. Эхом прокатилось по ули-це Сальсабиль слово «участок». И тут же вокруг Гадаллы и горбатого малыша сомкнулся тесный круг.

Подняв умоляющие глаза на блюстителя поряд-ка, мальчик громко запричитал:

— Я ни в чем не виноват, господин сержант... Клянусь аллахом, я ничего не сделал...

— А твой товар? А дозволение на продажу? — гудел сержант. Его острые, как пики, грозные усы угрожающе топорщились. Но что это? От «товара» не осталось и следа.

— Куда девал сладости? — во все горло заорал представитель закона.

Малыш заплакал еще громче.

— Клянусь аллахом, господин сержант, у меня ничего не было...

Среди окружающих начался ропот:

— Может, и впрямь ошибся полицейский?.. Ведь у парня ничего нет!

Шум толпы нарастал. Посрамленный сержант об-вел присутствовавших мутным взглядом, лицо его нахмурилось. А маленький горбун молниеносным движением незаметно смахнул с губ крошки от «палок стражника», обломки которых он, выбрав момент, проглотил в мгновение ока.

— Ребенок, несчастный сирота! Он заслуживает сострадания! — раздавались голоса. Толпа умоляла, настаивала, просила, требовала отпустить мальчика. Полицейского охватило замешательство... Устра-шающим жестом закрутив усы кверху, он, как ко-тенка, швырнул свою жертву на землю.

— На сей раз прощаю... Но горе тебе, если еще попадешься мне на глаза...

И, выпятив грудь, он пошел сквозь толпу, рас-талкивая людей и громыхая по мостовой тяжелыми сапогами... А горбатый подросток, припрыгивая от радости, побежал прочь.

Взволнованный всей этой историей, мальчик бродил по улицам до наступления вечера. Только тогда он вспомнил о хозяине и содрогнулся от страшного предчувствия.

И верно, едва он приблизился к дому, цепкая рука ухватила его за шиворот.

— Где так долго пропадал, мерзавец!?

— Я был... был...

Ребенка душили рыдания.

Но сильная жестокая рука не отпускала его.

— Где ящик со сладостями? — ревел хозяин.— Где деньги?

Мальчик громко всхлипывал:

— Я ничего не продал... Полицейский сожрал все, что у меня было, а картонку бросил в мусор-ный ящик!

Лицо хозяина исказилось от гнева, увесистая палка в его руке заходила ходуном.

— Клянусь великим аллахом и пророком! — в ужасе спешил оправдаться мальчик.— Разрази меня гром, я говорю правду!

Но свирепая палка уже осыпала ударами бед-ную спину ребенка под его оглушительные вопли.

...И продолжает маленький горбун мучиться но-чи напролет от боли, не вкушая забвения в живи-тельном сне. Но что значат побои в сравнении с райской сладостью сахарных палок! И мальчик вновь и вновь прибегает к рассказу о полицейском, с жа-ром расписывая хозяину его ненасытную жадность и прожорливость, а затем принимает на себя град бешеных ударов.

Но как только дом хозяина скрывается за углом, мальчик утирает слезы и с упоением вспоминает вкус отведенных накануне сластей. Лицо его при этом расплывается в широкую блаженную улыбку и его голосок звучит искренне, от всего сердца, ко-гда он кричит: «О «палка стражника», ты слаще меда!»

*Перевел с арабского
Александр Метлов*

ХАТШВАНЧАРЯЯ БЕЧАН

Индия

С КЕМ ВЫ?

Нет, не с теми я, кто каждый миг
к палачам идти в рабы готов,
нет, не с теми, кто от прав своих
отказаться без борьбы готов,
нет, не с теми, кто, увидев меч,
заикаясь, обрывает речь.

С теми я, кто яркий факел свой
в душной мгле несет над головой,
кто готов пожертвовать собой
ради друга в схватке боевой,
с теми, кто бросается в поток
и плывет, хоть берег и далек.

С теми, кто, борясь за правоту,
не поддастся кривде никакой,
с теми, кто высокую мечту
претворяет в жизнь своей рукой,
кто идет вперед отбросив страх,
видит, как в грядущем тает мрак.

Ну а вы! Скажите мне, с кем вы!
О своем подумайте пути!
Не склоняйте в бурю головы;
надо место среди тех найти,
кто в строю идет к плечу плечо
и в победу верит горячо.

*Перевел
Павел Железнов*